

Рассказ о львице Амали

Юная и красивая львица Амали с раннего детства училась путям шамани у своей наставницы Миралы. У нее была еще одна ученица меньшего возраста, и ученик; все они послушно следовали советам и наставлениям, но только не строптивая и своенравная Амали, которую интересовало всё на свете; и она всегда имела собственное мнение. А больше всего, и это знала Мирала, ее интересовала сила шамани; и неважно каким способом, какой ценой. Это огорчало Миралу, ибо любой перекос в характере плох, а особенно — неистовые поиски силы, которые часто приводят ни к чему другому, но к трагедии. Любой успех, знала опытная и мудрая Мирала, должен приходиться без особых потрясений и навязчивых идей, и к тому же в свое время; но Амали не знала этого, да и не хотела знать.

Она хотела ведать больше о мире, сильнее влиять на других, безошибочно чувствовать души, испытать то, что шамани называют видением — словом, во всём быть лучшей. Больше, сильнее, выше! Львы и львицы начали бояться и сторониться Амали. В своем неистовом стремлении следовать пути шамани она всё небрежнее относилась со своими друзьями, и они медленно отходили от нее, отчего Амали тайне страдала; впрочем, путь шамани для нее был много важнее.

Но Мирала еще бы могла смириться, потому что такое время проходит, время максимализма и одержимости; многие прошли через это. Но всё усугублялось тем, что Амали переставала ей верить: слова Миралы ставились под сомнение. Она перестала находить в наставнице авторитет, но не потому, что та была плоха. Нет, Амали просто верила, что есть на свете та или тот, которые смогут раскрыть все тайны знания и мира, и смогут указать единственно правильную тропу на пути знания. Она считала, что Мирала не сможет открыть всего, а, возможно, и что-то утаивает.

Это очень огорчало наставницу. Как объяснить своей ученице, что нет непреложных путей и истин, и что на всё свое время, которое, к тому же, может никогда и не придти?

В один прекрасный, солнечный день Амали пришла к Мирале, и молвила:

— Я чувствую, что мне нужно отправиться на поиски. Мне нужно найти знание. Я ухожу.

Мирала, которая присматривала за детьми и грелась на солнце, встала, и дотронулась лапой к ее щеке:

— Отнюдь, моя Амали. Ты идешь искать не знание, но того, кто смог бы тебе на него указать. Но, боюсь, это невозможно.

— Но львица же учила меня! Значит, это возможно.

— Я учила тебя ходить, но вместо тебя по пути знания не сможет пройти никто.

— Но он или она сможет показать путь! — уверенно сказала Амали.

— Нет, не сможет. Чужой путь может стать разрушительным для тебя, а тем более никогда не будет родным.

— Я буду пытаться. Мне нужно это.

Мирала знала, что нету никакого смысла удерживать того, кто решил уйти.

— Что ж, моя Амали, тогда удачи тебе в поиске. Зайди к Намарру напоследок, возможно, он нечто сможет тебе посоветовать, — грустно молвила Мирала, не желая расставаться со своей родной ученицей.

Амали уловила грусть Миралы, и захотелось остаться. «Но нужно быть сильной», — молвила себе, и решилась:

— Прощай же, Мирала, и спасибо тебе за всё. Думаю, я найду то, что ищу.

Наставница обняла ее.

— Когда станешь лучшей шамани в этой вселенной, не забудь навестить на миг старую Миралу. Буду тебя ждать.

— Хорошо.

Мирала провожала ее, уходящую, взглядом, и думала о том, что слишком рано отпускает Амали; слишком жестокий поступок — отпускать ученицу сейчас. Ведь она видела: Амали еще не вполне готова.

Впрочем, шамани должны брать ответственность за свои поступки, и ее ученица в том числе, и потому Мирала не стала претить судьбе.

И та внешне уверенно пошла навстречу миру, оставив всех и всё позади; но внутренне она волновалась. «Все шамани древности так и делали: в один прекрасный день уходили, оставляя всё за хвостом, стирая свою прошлую жизнь, как следы на песке. Так и сделаю я! Надеюсь, моя сила выведет меня на наставника, который укажет мне высоты», — думала она, а лапы несли ее к жилищу старого, одинокого Намарра. Львы-шамани предпочитали жить отдельно от всех.

Ей повезло, потому что Намарр был у себя в пещере, а это случалось весьма редко. Она тихо зашла; дремлющий Намарр заметил ее. Амали поклонилась:

— Здравствуй, Намарр. Я пришла к тебе за советом.

Он знал и всегда очень любил эту своенравную, но всё же очень милую и хорошую ученицу с огнем в глазах, которую знал еще совсем маленькой. Они общались свободно и непринужденно, а вот теперь Намарр ощутил в ней новое и неизданное. Амали была взволнована, внутренне собранна и даже немного испугана.

— Что привело тебя, Амали?

— Я отправляюсь искать знание. Хочу попрощаться, а заодно и попросить совета. Может... — взволнованно молвила юная львица, — может, лев знает льва или львицу, которые помогут мне увидеть больше?

Намарр узнал в ней себя — много лет назад он был таким же. Но только львы чаще уходят на поиски знания, львицы намного реже...

— Разве тебе плохо с Миралой? Она отличная наставница, поверь же мне, — он притворился удивленным.

— Я знаю, но... — Амали вздохнула. — Я хочу... Я хочу взять выше, больше, достичь высоты, — она лапой показывала, как высоко она хочет залезть на вершины знания шамани, потому как слов не хватало. — Кроме того, Мирала не видящая... Возможно, она что-то упускает, чего-то не видит? И я не смогу узнать всего. И... — Амали взволновалась и начала в неловкости вертеть хвостом, — ...смогу ли я *видеть*, в конце концов?

Услышав это, Намарр хотел покатиться со смеху, но сдержался. Не знал он лучшей видящей, чем Мирала. Было весьма неожиданным то, что наставница скрыла это от ученицы, но рассказала о видении. Как правило, наставницы вообще никак не трогали эту тему, до поры до времени.

«Видимо, Мирала желала, чтобы Амали лучше училась. Но получилось не совсем так», — внутренне улыбнулся старый шамани. Неопытная и молодая, она уходила не на поиски знания, а на поиски того, кто бы отыскал его за нее; Амали пыталась найти легкий путь, убедив себя в обратном (думая, что не ищет легких путей!), но в знании таковых не бывает, не было и никогда не будет.

Ему проще всего было бы сказать:

— Моя милая Амали, всё, что тебе нужно — продолжать учиться у Миралы, потому что никто не знает тебя лучше, чем она; а сама ты ищешь способ облегчить свою жизнь. Ты думаешь, что некто сможет раскрыть тебе вещи мира одним словом, одним взмахом лапы; но без собственной силы ты не сможешь и шага ступить на пути знания. В определенном смысле мы безысходно одиноки на своей тропе, но

я хочу сказать тебе, что это скорее хорошо, чем плохо. Я бы понял, если бы ты отправлялась в собственное путешествие полностью готовой, с полным осознанием того, что тебя ожидает, и что знание не придет к тебе сразу. Но тебе кажется, будто существует некто, кто раскроет какие-то «тайны», а к тому же во мгновение научит тебя видеть. Нету таких. Наставницы лишь помогают тебе в том, как нужно учиться, но учишься ты сама... А теперь быстренько ступай домой!

Но Намарр знал, что слова никого еще не научили. Только действие имеет значение. А потому в них нету смысла. Амали ничего не поймет. К тому же Намарр имел веселый нрав, а потому тут же кое-что придумал для нее.

Та сразу уловила его серьезность, и приготовилась слушать. Он пригласил ее прилечь, что Амали незамедлительно сделала, и важно начал, строго глядя на нее:

— Что ж... Видимо ты уже готова, и я должен тебе кое-что рассказать. На самом деле есть та, которая сможет тебе помочь. Дух ее парит невероятно высоко, она невероятно сильна и мудра, и я с Миралой по сравнению с ней только слепые львята! — Намарр перешел на неистовый шепот, глаза его заблестели, и Амали от удивления открыла рот. — У нее учились все великие видящие-шамани: Рилларр, Улала, Нойна, и много-много других... Никто не знает, сколько ей лет на самом-то деле! Имя этой львицы — глубокая тайна, но я открою его. Это будет мой подарок тебе, ибо ты готова к нему. Ее зовут... — он наклонился к ней, Амали наострила уши, вся во внимании — ... Менаилари-но-Валару. Только эта львица сможет тебе открыть все тайны мира, и сможет обучить тебя абсолютно всему, что должна знать шамани. Запомни это имя — Менаилари-но-Валару.

— Менаилари-но-Валару... — прошептала Амали, уверенная в том, что никогда не забудет этого странного имени.

Закрыв глаза, Намарр вдохновенно продолжал:

— Я не знаю, где она сейчас. Впрочем, тебе нужно отправляться на юг. Загляни в прайд Союза Регноран, расспроси у местных шамани. Если они будут притворяться, что не знают ее, скажи тогда, что ты от меня. И еще скажи, что тебе это очень нужно. Да, и не забудь, что у этой львицы зеленые глаза, настолько глубокие, что в них можно утопить весь мир, именно так. Думаю, в Регноран тебе помогут. Больше я ничего не скажу, потому как не знаю.

— Какое странное имя у львицы, — тихо молвила она. — У нее и правда зеленые глаза?

— Оно, насколько знаю, очень древнее. А насчет глаз — будь уверена, я лично видел. Ступай, Амали. Теперь ты имеешь всё то, что я мог тебе дать.

— Спасибо огромное, Намарр! Я буду тебе вечно благодарна! — глубоко поклонилась Амали, и пошла прочь из пещеры прямо на юг. «Менаилари-но-Валару, Менаилари-но-Валару...», — повторяла она вслух, пока вконец не устала.

Старый шамани подумал, почесав гриву: «Посмотрим же... Может, еще расцарапаешь меня от носа до хвоста». И ушел по своим загадочным делам.

Амали лишь приблизительно знала, куда ей идти, чтобы попасть в прайд Регноран. Но она была полна решимости; зная, что путь туда занимает около трех дней, она не слишком волновалась, и просто шла на юг, доверяясь своему чувству. Окрестности она знала хорошо, но после, когда Амали вышла на незнакомую местность, шла лишь наугад. На третий день она поняла, что заблудилась. По совпадению, за эти дни не повстречался никто, кто бы мог подсказать направление. Нет, она видела отдельных львиц, это были свободные львицы, но они были далеко, и тревожить их Амали не хотела. А к группам львов она справедливо опасалась подходить.

В итоге ее путь оказался значительно сложнее и длиннее, чем предполагалось, но она ни разу не усомнилась в своих силах и верности того, что делает. Цель — во

что бы ни стало найти загадочную Менаилари-но-Валару — ни на миг не покидала сознания. За эти восемь дней, что Амали путешествовала, пережилось многое: и столкновение с огромной стаей гиен, территорию которых она посмела нарушить; и знакомство со львицей вместе с тремя детьми, которая успевала кормить их, охотиться самой, при этом шутить и не терять присутствие духа (Амали навсегда изменила свое мнение о львицах, которые одиноко бродят в Большом мире); и сплошные два дня неудачной охоты; и знакомство с еще одним интересным львом, ее возраста, который очень рано ушел прочь из прайда (Магори был напичкан интересными историями, постоянно шутил, и явно хотел сблизиться с нею; Амали он понравился, и неизвестно, чем могло всё закончиться, если бы он не узнал, что она — шамани. Узнав это, Магори в испуге удрал, оставив удивленную Амали в недоумении).

Главный же урок, который усвоила Амали: жизнь в Большом мире скучна и тягостна, и вряд ли ей это принесет какое-либо знание, поскольку мир постоянно требовал внимания и сил, и почти всё время занимала только одна цель — просто выжить.

На седьмой день путешествия ей повстречался небольшой кочевой прайд из двух львиц и льва, которые указали направление к Регноран, и даже описали, как туда добраться. Это было необыкновенной удачей, ибо она уже начинала не то что отчаиваться, но опасаться, что выбрала неверный путь.

И всех, кто встречался на пути, Амали расспрашивала о львице Менаилари-но-Валару. Но никто о ней не слышал.

Наконец, она добралась к этому прайду Союза. Пришла ночью, когда все спали; львы услышали ее, и отнеслись с подозрением, поскольку она не была союзной львицей. Но узнав, что она — шамани и пришла из севера, из дружественного Союзу прайда, смягчились, и Амали осталась на ночь.

Она собиралась встать раньше всех с утра, потому как хотела сразу же разыскать шамани Регноран. Но усталость взяла верх, и Амали, сама того не желая, проспала до полудня. Проснувшись она от голосов:

— Вот эта львица... Пришла с севера... — это был голос льва.

— Говоришь, искала шамани? — а это голос львицы.

— Верно... Постоянно говорила, что ей очень надо встретиться с тобой.

— Ну что ж, раз так...

Услышав диалог, Амали открыла глаза и увидела весьма молодую, темную львицу с черными полосками на щеке.

— Что тебе угодно? Как твое имя? — спросила ее незнакомка.

Амали тут же встала, сон как ветром сдуло. Взволнованно теребя хвостом и умоляющим взглядом поедая львицу, быстро сказала:

— Меня зовут Амали, я пришла с севера. Намарр сказал, что здесь могут подсказать, где находится львица-шамани, имя которой — Менаилари-но-Валару, — от волнения она даже забыла, что стоило бы, наверное, обсудить этот вопрос наедине, а не среди десятка львят и двух львиц, которые пришли поглазеть, кто такая пожаловала к ним в прайд.

Темная львица сосредоточенно нахмурилась.

— Приятно познакомиться, Амали... Но, видишь ли... Менаилари-но-Валару? — удивленно спросила она. — Менаилари-но-Валару...

Все остальные удивленно переглянулись. Здесь не слышали о такой. Кто-то хмыкнул.

— Извини, львица, не знаю твоего имени...

— Меня зовут Линала, я единственная шамани здесь. Отчего ты так волнуешься? — улыбнувшись, ответила шамани прайда Регноран. Амали почувствовала доброту в ее сердце, отчего перестала так переживать:

— Просто... Могу я со львицей поговорить наедине?

Слегка удивившись, та согласилась. Амали намеревалась просто отойти в сторонку, чтобы лишние уши не мешали свободно говорить, но львица куда-то повела ее; они долго карабкались по склону крутого холма, молча, не роняя ни одного слова. Но это стоило того — Амали ахнула, когда они, наконец, достигли вершины. Они стояли на краю обрыва. Красота мира отсюда была настолько потрясающей, что казалась нереальной, как в сновидении; только в нем юная Амали видела такую красоту.

— Так что тебя привело?

Амали увлеклась и совершенно упустила вопрос Линалы:

— А?.. Пусть львица меня...

— Нравится? — она перебила Амали, описав лапой круг. В ее голосе звучала гордость.

Юная шамани молча кивнула.

— Место особенное...

— Я чувствую... Линала, я ученица шамани Миралы, — эти слова Амали сопровождала знакомым всем шамани жестом, а именно: будто бы царапая левой лапой левую же щеку. Это означало: «Видишь, я шамани; здесь должны быть полоски из черной глины, но поскольку их нет, то хотя бы обозначу, где им место». — Я...

Она хотела сказать, что отправилась на поиски знания, но тут же передумала, потому как рассказ этот никому не нужен. Нужно лишь поведать главное: как найти ее, найти львицу с таким странным именем — Менаилари-но-Валару.

— Я проделала долгий путь. Намарр, мой друг и друг Миралы, сказал, что в прайде Регноран знают, где найти львицу Менаилари-но-Валару. Такое необычное имя...

Линала внимательно слушала ее, и даже перестала слегка теребить кончиком хвоста.

— ...Эта львица, сказал он, лучшая шамани и видящая, которую он только знает. Он говорил, что дух ее летает недостижимо высоко, и что она очень сильная и мудрая. Еще Намарр упоминал, что у нее зеленые глаза. Настолько глубокие, что в них можно утопить весь мир, сказал он. Мне очень, очень нужно ее увидеть. Прошу, не могла бы львица помочь мне? — Амали с надеждой смотрела на Линалу. Не могло ускользнуть от ее взгляда то, как менялась шамани Регноран; сначала она была само недоумение и удивление, потом она вдруг вся просияла, и наконец Амали показалось, что ей стало очень весело.

— Менаилари-но-Валару... — задумчиво протянула Линала, смотря вдаль и поглаживая шею лапой. Но задумчивость эта не была унылой, а напротив, многообещающей. Потом посмотрела на Амали; в глазах — блеск! И она поняла, что не зря проделала этот путь, потому как эта львица точно что-то знает.

Линала приблизилась в Амали, так же глядя в глаза, словно желая запомнить ее на всю жизнь. Потом улыбнулась:

— Ну, начнем с того, что я не знаю Миралы, но знаю Намарра. Правда, он был не моим другом, но другом моей наставницы, и видела я его еще совсем-совсем маленькой... — Линала мгновение закрыла глаза, вспоминая детство. — Но к делу. Да, Амали, я знаю эту львицу, Менаилари-но-Валару. И смогу тебя с ней познакомить. Сегодня же.

Амали поняла. «Она пыталась рассмотреть мою душу, чиста ли я, и мои помыслы!», — радостная догадка отмела все остальные мысли прочь. Она благодарно положила лапу на плечо Линалы:

— Неужели это правда?! Как же судьба благосклонна ко мне!

— Тихонько. Оставайся здесь, со своими мыслями наедине. А лучше отгони их прочь. Я приду за тобой перед закатом, — молвила Линала, и отправилась вниз по тропке.

— Спасибо!

— Кстати, если захочешь есть, то приходи в прайд. Либо же поохотись сама. Я предупрежу остальных о тебе, — бросила Линала, спускаясь.

Конечно же, никуда Амали не пошла. Сначала она пыталась прекратить внутреннюю болтовню с собою, но получалось на удивление плохо. Сказывалась важность момента. Наконец, она просто прислонилась к большому камню, и начала вспоминать родную землю, смотря вдаль, за горизонт. «Возможно, она возьмет меня в ученицы? Кто знает...».

Она вспомнила о Мирале; только теперь Амали осознала, как же любит ее. «Наверное, она скучает за мной...». Амали затосковала, и слеза скатилась по щеке, потом вторая, а за ней третья. Потом считать их было уже бессмысленно. «Я так плохо попрощалась с нею, нужно было прогуляться напоследок, поговорить. Хотя бы так... Верно, она хотела дать мне наставления, но не успела? Может быть...». Отца и матери у Амали не было: отца она вообще не знала, а мама умерла при родах. Потому Мирала была для нее как мать.

«Мирала не видящая, но лучшая наставница мира. И какая разница, что не *видящая*? Она ведь чувствовала мое сердце, как никто...». Амали ощутила себя ничтожеством; это точно ощутит, да нет же, увидит Менаилари-но-Валару, и скажет убираться прочь, ибо ей не нужны такие плохие и неблагодарные ученицы. «И если она мне откажет хотя бы в добром совете, то я пойму почему», — с грустью подумала она.

Амали и не заметила, как уснула мирным сном без сновидений. Грусть не встревожила, а убаюкала ее; борьба сплина воспоминаний, и идеала, который ждал впереди, утомила душу.

Проснувшись она от шороха позади. Открыв глаза, поняла, что это то самое время, о котором говорила Линала.

— Вставай, Амали. Время пришло.

Всё еще не веря в происходящее, она спускалась вниз за Линалой по склону. Амали заметила, что шамани Регноран как-то нервничает, и кончик ее хвоста предательски задергался.

Шли они недолго, по крайней мере, Амали ждала более длительного путешествия. Линала привела ее к большому озеру, прыжков в три сотни, не меньше. Это был местный водопой для всего живого, но она не стала останавливаться у общего места, а повела в укромное, куда в озеро впадал небольшой ручеек. От всего мира их здесь прятали деревья.

Линала сказала, чтобы Амали ждала, сидя на плоском камне прямо у воды.

— Сейчас ты с ней увидишься, — были ее слова. — Только никуда не уходи.

— Хорошо.

Шамани, которая желала знать тайны мира, терпеливо сидела на камне, прислушиваясь к малейшему шороху. Ей пришлось ждать долго, солнце уже было близко к горизонту, как послышался далекий шорох, потом другой, и звуки шагов. Амали вся сжалась, наострила уши, и глубоко втянула воздух, чтобы ощутить запахи; но ветер дул в хвост, и она ничего ощутить не смогла.

К ее удивлению, из-за кустарника вышел самый обычный молодой лев. Насторожено посмотрев на Амали, он сделал несколько аккуратных шагов, словно неуверенный в том, правильно ли идет. Потом еще несколько. «Проклятье, он может всё испортить», — раздраженно подумала она. Вдруг мысль пронзила сознание. «Может, он как-то связан с нею? Или же знает ее?».

— Извини, но... — Амали не знала, как продолжить, но быстро нашлась. — Ты львицы здесь не видел?

— Нет, — ответил немного растерянно лев. — Разве что тебя.

Воцарилось неловкое молчание. На камне сидела Амали, сидел на траве лев; они смотрели друг на друга.

— А ты знаешь такую по имени Менаилари-но-Валару? — спросила она без особой надежды, подумывая, как бы его отсюда вежливо прогнать.

— Менаилари-но-Валару? — очень удивленно спросил лев, да таким тоном, что Амали оживилась.

— Да, да!

— Нет, но постой... До чего странное имя! Что за... Это, знаешь ли, «посмотри на воду».

— Прости?

— Оно значит «посмотри на воду». Надо же, имена придумают.

— Не пойму, как значит... — Амали склонила голову немного вниз, словно высматривая добычу. Озноб пронял от шеи до кончика хвоста.

— Ну, когда-то наши предки говорили на древнем языке, и на нем «Менаилари-но-Валару» значит «посмотри на воду». Это каждый умный лев тебе скажет. Мы все должны знать язык наших предков. Традиция...

Амали медленно перевела взгляд на водную гладь; мелкая рябь проходила по ней, дул спокойный вечерний ветер, и отражение юной шамани колыхалось, словно раскрывало истинную природу жизни: изменение, движение, стремление. Она, конечно же, уже знала, что за львица Менаилари-но-Валару. Амали вспомнила все те слова, которые говорил Намарр: «Она знает все тайны мира... и она сможет обучить тебя всему...».

— А глаза? — тихо спросила она себя. Ну конечно же. В отражении этого не увидишь, но Амали ведь знает, что у нее глаза зеленые. Правда, не знала, что в них может утонуть весь мир.

Она обернулась, и посмотрела на незнакомца. Тот всё так же сидел, изучая ее любопытным взглядом. Амали всё поняла; но это понимание слишком глубоко, и невозможно облачить его в слова. Дрожь проняла тело. Начался страшный гул в ушах, она была знакома с этим гулом, но никогда прежде тот не был таким громким. И вдруг...

...Амали ощутила мир по-другому, бесстрастно и вместе с тем сильно, как никогда; она ощущала биение жизни вокруг, в мгновении была вечность, и смотря на этого льва, могла сказать о нем множество разных вещей. Мир был потрясающ. Да разве возможно рассказать о том, что ощущала Амали? Нет, невозможно.

Она не понимала, что *видит*, как могут видеть шамани — она знала безмолвным знанием, что *видит*, как могут видеть шамани.

А потом всё куда-то ушло, и она вся-вся провалилась в приятную пустоту.

Амали очнулась, лежа на боку. Вокруг только черное небо и звезды. Ее восхитило это зрелище, и она, не двигаясь, так и пролежала невесть сколько мгновений. Потом зашевелилась, встала. Сухие травинки пристали к шерсти, потому пришлось отряхнуться.

— Амали?

Это был голос Линалы.

— Да?

Мелькнула из-за дерева тень. Она увидела, как шамани Регноран улыбается в темноте.

— Как ты?

— Линала... ты знаешь, это было потряса...

Та закрыла рот Амали лапой, вздохнув. Сделала она это нехотя, потому как Линале было очень любопытно, что именно испытала Амали. Но шамани знала — нет проку в чужом опыте видения.

— Нет, ты скажи, как себя чувствуешь. А об этом лучше не рассказывать. Я догадываюсь, что это было.

Амали радостно лизнула ее в щеку, и вдруг ощутила сильную слабость.

— Да всё хорошо. Я видела, Линала. Я видела!

— Тсс, а то всех разбудишь, — оглянулась по сторонам Линала.

Она закусила правую лапу в знак молчания.

— Да... — тихо протянула Линала. — Невероятно... А я то думала, что шутка Намарра лишь разозлит тебя. Но не смела нарушать чужой игры, пришлось подыграть. Но я не думала... Вот как получилось...

И рассказала, что сначала не могла уловить, что происходит; но потом полностью поняла замысел остроумного Намарра, и смогла встретить Амали со самой мудрой и сильной наставницей.

— Ты когда сказала о зеленых глазах, то я уже не сомневалась, что к чему, — засмеялась Линала.

— Понимаю...

«Надо же... Утонуть весь мир может. Да не надо мне мира, пусть в них утонет лишь лев, мне будет достаточно», — подумала Амали.

— Но кто тогда со мной разговаривал? — спросила она.

— Это Харлас, сын дренгира нашего прайда. Я попросила его просто подойти к тебе и отвечать на все твои вопросы. Он знает язык древних, потому как будет дренгиром. Он до сих пор ничего не знает. Я сказала, что тебе стало плохо. Это он тебя принес сюда.

И они тихо разговаривали до самого рассвета обо всём, что только приходило на язык. Линала, которая никогда в жизни не переживала видения, радовалась за такую блестящую, неожиданную победу духа Амали; та же была рада, что всё на самом деле так просто. Менаилари-но-Валару — это она; Линала тоже Менаилари-но-Валару; и Мирала; и все остальные существа в этой вселенной тоже, лишь только они этого пожелают. Точнее, даже не пожелают, а лишь только осознают.

Через два дня, восстановив силы, Амали отправилась домой, подробно запомнив со слов местных весь путь. Тепло попрощавшись с Линалой и всем прайдом Регноран, она решительной трусцей пошла назад, к Мирале, получив от своего путешествия столько, сколько и мечтать не могла.

Амали знала, что быстро найдет дорогу домой. Так оно и случилось. Через три дня она была дома.

Она хотела застать свою наставницу врасплох, сделать ей сюрприз; но вышло немного не так. Чутье Миралы было острым, сила велика, а потому когда Амали мягким шагом подошла к ее любимому огромному баобабу, наставница притворилась, что спит. Ученица не стала сразу будить ее, «спящую», а села рядышком, и долго думала, как же извиниться, и с чего же начать свой рассказ...

— Моя Амали, — молвила Мирала, не открывая глаз, — что ты, не находишь слов для меня?

Та чуть не подскочила от неожиданности. Но потом обняла Миралу, лизнула ее в щеку и шею.

— Знаю, просто... Пусть львица простит меня, я... — договорить Амали не успела, потому как утонула в объятиях наставницы.

Наконец, Мирала взглянула в глаза ученицы:

— Что ж, рассказывай, что ты нашла в своем путешествии.

Но ответа не потребовалось, потому как она сразу ощутила эту перемену, глубочайшую перемену; и ее Амали в таком юном возрасте уже испытала то, что некоторые шаманы тщетно пытаются ощутить всю жизнь.

Мирала сделала несколько шагов назад, и молвила ей:

— Это дар, Амали. Это потрясающе. Я стала видящей весьма рано... но твоя судьба познакомила тебя с этим в таком юном возрасте, что я даже не знаю, что сказать.

— Так львица видящая?! — Амали была само изумление.

Та ничего не ответила, но только улыбнулась. Амали прислонилась к дереву, смотря в никуда.

Немного погодя ученица рассказала наставнице всё о своем поиске. Выяснилось, что старый прохвост Намарр словом не обмолвился Мирале о том, куда и зачем отправилась Амали; а молодая шамани уже знала, что расцелует его, как только увидит, и будет помнить с благодарностью до последнего вздоха.

Два силуэта уходили вдаль.

— Амали, ты нашла Менаилари-но-Валару... Ты нашла ее, — с тихой гордостью говорила наставница.

— Скорее, это судьба привела меня к ней, Мирали.

— Надеюсь, она приведет тебя еще ко многим другим вещам...

Начал падать мелкий дождь, умиротворяя всё живое; и небо с неизменными звездами было бездонным всё так же, как и множество поколений назад.